

ГОДЫ
И ЛЮДИ

Встречи с Котэ Марджанишвили

Воспоминания старого журналиста

Судьба журналиста-рецензента часто сводила меня с Котэ Марджанишвили, и потому я был с ним близко знаком. Еще будучи студентом Московского университета, я встречался с этим замечательным человеком. В те далекие уже годы в Москве училось немало грузинской молодежи. Землячество объединяло не только студентов, но и всех грузин, живших в Москве. На наших земляческих встречах почетными гостями были А. Южин-Сумбаташвили, композитор Дмитрий Аракишвили, режиссер МХАТ Вахтанг Мchedlishvili, знаменитый наш земляк поэт Владимир Маяковский и, конечно, Котэ Марджанишвили. Членами землячества были видный писатель Константин Гамсахурдия, поэты Тициан Табидзе, Валериян Гаприндашвили и другие видные грузинские деятели искусства и литературы. У нас часто устраивались вечера, весь сбор от которых шел в пользу нуждающихся студентов. На таких вечерах, проходивших в исключительно теплой, сердечной обстановке, принимали безвозмездное участие выдающиеся русские артисты Л. Собинов, Ф. Шаляпин и другие.

1913 год... В это время Котэ Марджанишвили руководил Московским камерным театром «Эрмитаж». Театр испытывал серьезные финансовые затруднения. В Москве тогда жила двоюродная сестра Котэ Елена Чавчавадзе. Она была замужем за богатым генералом Суходольским, слывшим большим меценатом. Вот к нему-то и обратился Котэ за помощью, конечно, не без протекции сестры. С помощью Суходольского Котэ Марджанишвили укрепил театр, о котором вскоре заговорили не только в России, но и за рубежом, как о театре новых форм.

...1922 год. Котэ Марджанишвили приехал в Грузию. Советская Грузия набирала сил, мужала, крепла. Наш консервативный театр умирал, ветхий репертуар его уже никого не привлекал. Народ ждал от своего театра новых идей, новых веяний. В это трудное время Котэ Марджанишвили возглавил грузинский театр. Вспоминаю его первую постановку «Овечьего источника» Лопе де Вега. Спектакль прошел с триумфом. Режиссера без конца вызывали. Он выходил на сцену в простом рабочем костюме, выпачканном красками. Поэт Паоло Яшвили крикнул из партера:

— Рождается новый грузинский театр. Привет талантливому реформатору!

Котэ ответил со сцены:

— Где вы, там и я!

Но нелегко было новому утвердаться. Актеры раскололись на два лагеря — старшее поколение и молодежь, которая пошла за Котэ. Молодые объединились в группу «Дурджиджи» и на одном из спектаклей устроили обструкцию «старикам». Вышло это очень плохо.

Когда я с Имедашвили выходил из театра, то увидел Котэ. Он стоял без фуражки и нервно курил.

— Зачем тебе понадобилось это? — упрекнул я его. — Реформа прошла бы и без шума. Не следовало оскорблять старых заслуженных артистов.

— Я тут ни при чем, — ответил Котэ. — Это «дурджиджи» пересосали. И свой «манифест» они составили без моего ведома. Я не этого

хотел. Да, я за реформу и обновление театра, но старики тоже должны в нем работать, но только по-новому. Меня не поняли. Молодежь поступила бестактно.

Котэ оправдал свои слова. Артисты старшего поколения не ушли из театра. Часть из них, оказавшихся за штатом, я устроил в Санитарный театр Наркомздрава, которым тогда руководил. Котэ меня потом благодарил за это.

...1928 год. В саду оперного театра шло собрание артистов. Один из учеников Котэ Марджанишвили выступил на этом собрании с резкой критикой своего учителя. Котэ требовал упразднить корпорацию «дурджиджистов», но его не послушали. И так, разрыв. Марджанишвили ушел из театра имени Руставели. Но за ним ушли и лучшие артисты: Верико Анджапаридзе, Тамара Чав-

чавадзе, Ушанги Чхеидзе, Шалва Гамбашидзе, Серго Закариадзе, Нико Гоциридзе и другие. Они создали новый театр, ныне носящий имя Котэ Марджанишвили. Но и в этом театре Котэ не сумел долго работать. Он со своими верными учениками переехал на постоянную работу в Кутаиси. Имеретия тепло приняла своего знаменитого земляка, который быстро поставил на ноги захиревший Кутаисский театр. Здесь у меня было несколько встреч с ним. Особенно запомнилась первая.

Утром мы вместе с артистками М. Каргвелишвили и Т. Окропиридзе зашли в кафе-кондитерскую. Видим, сидит за столиком Котэ и, задумавшись, курит, опершись на палку. На столе нетронутые чашка кофе и печенье. Увидев нас, Котэ пригласил всех на чашку кофе. Но артистки спешили на почту, я же остался с ним.

— Чего тебе: кофе, какао, сливок? — радушно предлагал Котэ. Я выбрал кофе.

Когда я спросил Котэ о делах, он сказал:

— В Кутаиси меня приняли хорошо. Отказа театру ни в чем нет, только покажи работу. Кутаисцы — народ театралный и требовательный. Но это меня не пугает. Пока все спектакли идут с аншлагом. Я остался бы здесь навсегда с большим удовольствием, но знаю, центр не оставит меня в покое. Я здесь отдохнул, нервы успокоил и работу развернул.

— Не представляю себе: Котэ и отдых, — сказал я. — Сегодня ты здесь, завтра — в Киеве, послезавтра — в Ленинграде. Как ты успеваешь?

Он засмеялся.

— Знаешь, и дуб падает.

— Ну, тебя не свалишь. Ты везде Марджанишвили. Долго будут тебя помнить.

— Преувеличиваешь, — отмахнулся Котэ. — Я только почву подготавливаю, начал дело, которое надо продолжать. Я уже стар...

Потом Котэ рассказал о ряде новых постановок, которые он успел осуществить в Кутаисском театре: что-то пять или шесть пьес. Его энергия была поразительна.

Продолжая разговор, Котэ сказал: — Моя цель — новый театр. В старом много пыли скопилось, ее надо сдуть. Консерватизм — большой враг искусства. Театр должен идти в ногу со временем. Он не может застыть на одном месте. Ему нужны новые формы.

На прощание Котэ пригласил меня на свои постановки.

Предсказание Котэ оправдалось. «центр» не оставил его в покое. Через два сезона его снова перевели в Тбилиси, где он некоторое время работал, часто выезжая в Россию по приглашению на постановки.

...1933 год. Тбилиси. Я шел по проспекту Руставели и увидел над театром большое траурное полотнище. Подошел к группе артистов, молча с грустными лицами куривших у входа.

— По кому траур? — спросил я, охваченный тревожным предчувствием.

— В Москве от кровоизлияния в мозг скончался наш Котэ, — ответили мне...

Прах Котэ Марджанишвили перевезли в Тбилиси и похоронили в саду оперного театра, рядом с могилами Захария Палиашвили и Вано Сарджишвили.

Сено ЦЕРЕТЕЛИ.